

**ОБЗОР дисциплинарной практики Адвокатской палаты Московской области
за первое полугодие 2020 года**

31 Августа 2020

ИЗВЛЕЧЕНИЕ

1. Нельзя признать этически корректным, что лица, которым юридическая помощь оказывалась до приобретения статуса адвоката, при последующем получении юристом такого статуса, не могут рассчитывать на иммунитет доверителя и сохранение сведений, представленных для исполнения поручения или полученных таким лицом самостоятельно. Действия против интересов лиц, которым оказывалась юридическая помощь до приобретения лицом статуса адвоката, подрывают доверие, как к адвокату, так и к институту адвокатуры (п. 2 ст. 5 КПЭА).

В АПМО поступила жалоба Р. и Ф. в отношении адвоката Д., в которой сообщается, что Д., будучи помощником адвоката К. представлял интересы заявителей Х-ском суде по гражданскому делу и использовал материалы, полученные из уголовного дела: приговор Л-ского районного суда от 28.06.2016 г., апелляционное определение М-ского городского суда от 16.10.2016 г., а также по указанию адвоката К. являлся представителем Ф. в 3-ском суде по гражданскому делу, возобновлённому в 2017 г.

Суд первой инстанции вынес решение не в пользу заявителей. Тогда Д., явился в М-ский суд, ознакомился с материалами гражданского дела заявителей и по указанию адвоката К., используя поддельный договор купли-продажи, возбудил в Х-ском суде дело от имени С. против заявителей.

16.10.2019 г. Д. в 3-ском суде восстановил срок на подачу апелляционной жалобы в интересах С. против заявителя Ф.

26.11.2019 г., будучи адвокатом, Д., по указанию адвоката К., участвовал в Б-ском суде МО против Р. в деле о взыскании 4 000 000 рублей за оказанные К. юридические услуги

Заявители считают, что адвокат действовал против их интересов, а также разгласил адвокатскую тайну.

Адвокатом в Комиссию представлены письменные объяснения и копии различных процессуальных документов. Адвокат не согласился с доводами жалобы, пояснив, что оказывал юридические услуги заявителям в 2016 – 2017 г.г. до приобретения статуса адвоката – участвовал в качестве их представителей по гражданским делам о возвращении квартир. В качестве представителя С. адвокат участвовал в суде по спору, предмет которого отличается от того, где он был представителем заявителей (заявители получили половину стоимости квартир, но отказываются передавать их покупателю и получить вторую половину стоимости). Заявители в жалобе сами указывают, что предметы спора разные. Интересы К. адвокат представляет по спору об уклонении заявителя Р. от оплаты договора об оказании юридических услуг. Никаких сведений, относящихся к адвокатской тайне, не разглашал. Сведения о том, что квартиры были возвращены в собственность заявителей, являются общедоступными, решения по делам размещены на сайтах судов. Приговор по уголовному делу был приобщён в 2016 г., в рамках иска Р. об истребовании квартиры, когда у Д. не было статуса адвоката.

Рассмотрев доводы жалобы и письменных объяснений, заслушав стороны и изучив представленные документы, Комиссия указала следующее.

В письменных объяснениях адвокат не отрицает, что в 2016-2017 г.г. оказывал заявителям юридическую помощь. В частности, имеющиеся в материалах дисциплинарного дела копии документов подтверждают, что по гражданскому делу № 31/17 по иску Р. к К-вой об истребовании имущества из чужого незаконного владения Д. являлся представителем Р., решение суда вынесено 24.04.2017 г., вступило в законную силу 14.06.2018 г., о чём свидетельствует копия соответствующего апелляционного определения. Предметом спора выступало жилое помещение, в отношении которого ООО «ЮЦ» оказывало помощь Р.

Впоследствии ООО «ЮЦ» уступает по договору цессии право требования к Р. третьему лицу К-ву., который обратился в суд с иском о взыскании образовавшейся задолженности и его интересы в суде представляет Д. Адвокатом не представлено доказательств того, что после приобретения статуса адвоката, он перестал осуществлять представительство К-ва. Напротив, как следует из приобщённой Комиссией копии карточки движения дела № 790/2019 по иску К-ва к Р. и апелляционного определения К-ского суда от 26.11.2019 г. по тому же делу, Д., уже после приобретения статуса адвоката, по доверенности представлял интересы К-ва. по иску о взыскании задолженности по договору об оказании юридических услуг.

Также адвокат в Х-ском суде представлял интересы С. по иску к заявителю Р. об обязанности передать объект недвижимости по акту приёма-передачи. Вместе с тем, последний протокол судебного заседания датирован 03.09.2019 г., т.е. до получения Д. статуса адвоката, доказательствами осуществления представительства в настоящее время Комиссия не располагает.

Действительно, и заявители, и адвокат указывают, что предметы исков различаются. Однако, между ними имеется очевидная взаимосвязь, основанная обращении заявителей в ООО «ЮЦ» в связи с совершением третьими лицами мошеннических действий в отношении квартир заявителей и последующем (с представительством адвоката Д.) взыскании задолженности Р. перед ООО «ЮЦ» (переуступленной по договору цессии К-ву.) и передачи объекта недвижимости третьему лицу (С.).

Комиссия учитывает, что статус адвоката получен Д. 22.10.2019 г. Однако, Комиссия считает необходимым напомнить адвокату, что в любых обстоятельствах он обязан сохранять честь и достоинство, присущие адвокатской деятельности. В тех случаях, когда законодательством или КПЭА не урегулированы вопросы профессиональной этики, адвокат должен соблюдать традиции и обычаи, которые уже сложились в адвокатуре (п. 3 ст. 4 КПЭА). Они соответствуют общим принципам нравственности в обществе. В этически сложных ситуациях адвокат вправе обратиться за разъяснениями с Совет адвокатской палаты (п.п. 19 п. 3 ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Оказывая юридическую помощь заявителям, Д. идентифицировал себя перед государственными органами и иными лицами в качестве их представителя. Нельзя признать этически корректным, что лица, которым юридическая помощь оказывалась до приобретения статуса адвоката, при последующем получении юристом такого статуса, не могут рассчитывать на иммунитет доверителя и сохранение сведений, представленных для исполнения поручения или полученных таким лицом самостоятельно. Действия против интересов лиц, которым оказывалась юридическая помощь до приобретения лицом статуса адвоката, подрывают доверие, как к адвокату, так и к институту адвокатуры (п. 2 ст. 5 КПЭА).

Комиссии не представлено доказательств того, что действия, указанные заявителями, совершались под влиянием адвоката К. либо иного лица. Комиссия не считает, что адвокатом была разглашена профессиональная тайна, поскольку действия по приобщению документов, имеющих отношение к заявителям, были совершены задолго до приобретения статуса адвоката.

Также, изученные Комиссией документы подтверждают, что решение суда по иску С. к заявителю Ф. состоялось 13.11.2018 г. Доказательствами, подтверждающими, что адвокат действовал против интересов Ф. после получения статуса (т.е. после 22.10.2019 г.) Комиссия не располагает. Поэтому доводы жалобы в части заявителя Ф. не находят своего подтверждения.

На основании изложенного, оценив представленные доказательства, Комиссия приходит к выводу о наличии в действиях адвоката нарушения п. 2 ст. 5 КПЭА и ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем Р., выразившихся в том, что до получения статуса адвоката Д. представлял в суде интересы Р по иску к К-вой. об истребовании имущества из чужого незаконного владения, а после приобретения статуса адвоката, по другому гражданскому делу, стал представлять интересы третьего лица – К-ва. по иску к Р. о взыскании задолженности по договору об оказании юридической помощи.

2. Процедура выдачи компетентным государственным судом исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по своей правовой природе не является рассмотрением судом гражданского дела, а является предусмотренной процессуальным законодательством формой выполнения судом функций контроля в отношении третейских судов. Поэтому подача адвокатом заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда является действием, выходящим за предмет заключенного соглашения на представление интересов в суде первой инстанции по гражданскому делу.

Фальсификация адвокатом подписи доверителя в заявлении о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, получение документов, необходимых для представления интересов доверителя в суде от арбитра, ранее рассмотревшего спор между доверителем и её умершим супругом, с учётом отрицания самого факта заключения доверителем третейского соглашения и рассмотрения спора третейским судом, расценивается Комиссией как совершение адвокатом действий, направленных к подрыву доверия к адвокатуре и злоупотреблением доверием.

В АПМО поступила жалоба доверителя Н. в отношении адвоката М., в которой указывается, что между адвокатом и заявителем было заключено соглашение об оказании юридической помощи. По утверждению заявителя, она обратилась к адвокату М. для оказания юридической помощи по ведению наследственного дела. Для этого заявителем 11.04.2019 г. выдана доверенность на имя адвоката. Однако адвокат до июля 2019 года на связь не выходила, на телефонные звонки не отвечала, в связи с чем в конце июня 2019 г. она была вынуждена отозвать доверенность. 10.06.2019 г. адвокат М. сообщила, что ею выполнен определенный объем действий, каких именно не уточнила, за что заявитель должна уплатить 300 000 рублей, которые были уплачены 11.07.2019 г.

22.08.2019 г. заявитель обратилась с жалобой в Адвокатскую палату Республики Адыгея, так как на неоднократные звонки адвокат не отвечала. В январе 2020 года заявительница была приглашена в межрайонный следственный отдел. В ходе допроса следователем

заявительнице было представлено соглашение от 18.11.2018 г. с явно поддельной подписью покойного супруга заявительницы С., согласно которому С. якобы передал адвокату М. пакет документов (переуступка долга на 65 000 000 рублей), за что получил вознаграждение от последней в размере 500 000 рублей. Затем при предоставлении пакета документов в Департамент строительства адвокатом М. был выявлен факт подделки документов и по факту мошеннических действий следствием возбуждено уголовное дело.

По утверждению заявителя, никаких отношений между адвокатом М. и С. никогда не было и встретиться для подписания соглашения они не могли. 20.01.2020 г. на сайте К-ского суда заявительница узнала, что от ее имени было подано 3 исковых заявления. В этот же день представительницей заявительницы был получен пакет документов, в котором находились поддельное заявление от 12.04.2019 г. с поддельной подписью заявительницы, поддельное решение третейского суда и третейское соглашение между заявительницей и ее супругом с поддельной подписью. О факте предоставления в суд подложных документов заявительницей было сообщено следователю следственного отдела. Заявления заявительницей не подписывались и в суд не подавались. В этот период ее представителем была адвокат М.

Адвокат в письменных объяснениях возражала против доводов жалобы и пояснила, что в марте 2019 года ее коллега Б. обратилась к ней с просьбой оказать юридические услуги приятельнице – заявителю Н. предварительно сообщив обстоятельства по предмету оказания юридической помощи. Б. попросила ее предоставить паспортные данные для оформления нотариальной доверенности от Н. В апреле 2019 года Б. передала адвокату нотариально удостоверенную доверенность от имени Н. и ряд документов для оказания услуг.

12.04.2019 года адвокат М. от имени Н. обратилась в суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, где истцом выступала заявитель Н., а ответчиком – ее супруг С. Судебное заседание было отложено на 16.05.2019 года и было отложено по причине неявки Смирнова К.А. После заседания адвокату стало известно об открытии наследственного дела № 61/2019 по факту смерти С., о чем адвокат сообщила суду, предоставив письменное заявление о прекращении производства по делу в порядке статьи 220 ГПК РФ.

Факт открытия наследства адвокат М. обсудила с заявителем Н., у них сложился конфликт ввиду того, что производство по делу было далее невозможно. Н. в свою очередь настаивала на продолжении представительства по делу, заведомо скрыв от адвоката факт смерти супруга.

В заседании комиссии адвокат возражала против доводов жалобы и пояснила, что копию соглашения об уступке, заключенного со С. она комиссии представить не может, т.к. данный документ не относится к предмету дисциплинарного разбирательства. О том, что решение третейского суда было вынесено еще в 2017 году, она при принятии поручения не знала. О том, что С. умер в феврале 2019 года она узнала только в мае 2019 года. Первоначальное соглашение с заявителем было заключено 11.04.2020 г. и передано Б. Экземпляр первоначального соглашения ей не вернули, в связи с чем она не может его представить комиссии. Адвокат подтвердила, что на момент заключения соглашения с заявителем в апреле 2019 г. С. был уже ее контрагентом по гражданско-правовому договору об уступке прав требования.

Рассмотрев доводы обращения и письменных объяснений адвоката, заслушав адвоката и заявителя, изучив представленные документы, Комиссия указала, что на основании Н. доверенности 12.04.2019 года на представление интересов в суде, адвокатом М. было

подано заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения межведомственного арбитражно-третейского суда при Международной Ассоциации гражданского судопроизводства от 04.07.2017 года.

Из материалов дисциплинарного производства усматривается, что предмет соглашения об оказании юридической помощи от 11.04.2019 года адвокат и заявитель определили как защита прав доверителя по гражданскому делу в К-ском суде, а также у нотариуса Р. (пункт 1.1 соглашения).

Процедура выдачи компетентным государственным судом исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по своей правовой природе не является рассмотрением судом гражданского дела, а является предусмотренной процессуальным законодательством формой выполнения судом функций контроля в отношении третейских судов.

Таким образом, подача адвокатом М. в заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда является действием, выходящим за предмет заключенного с Н. соглашения об оказании юридической помощи.

Обстоятельства дисциплинарного производства свидетельствуют о том, что Н. не знала о факте подаче адвокатом от ее имени заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, поскольку все эти действия были совершены адвокатом М. без согласования с доверителем.

У Комиссии нет оснований не доверять аргументам заявителя о том, что она не подписывала арбитражное (третейское) соглашение со своим умершим супругом С., а также поданное в суд заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда от 12.04.2019 года, и имеет обоснованные сомнения относительно факта арбитража (третейского разбирательства), состоявшегося в 2017 году между заявителем и ее покойным супругом.

Комиссия отмечает, что Межведомственный арбитражно-третейский суд при Международной Ассоциации гражданского судопроизводства в соответствии с положениями Федерального закона от 29.12.2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ» прекратил свою деятельность с 01.11.2017 года, поскольку данная организация, при которой был образован третейский суд, не получила право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации.

Спорное решение третейского суда, представленное адвокатом М. от имени заявителя Н. датировано «04.07.2017г.», однако само заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение этого решения подано в государственный суд 12.04.2019 года, т.е. по истечении длительного срока (более 1 года и 9 месяцев) со дня даты, указанной на этом арбитражном решении, а также длительного срока (более 1 года и 5 месяцев) с даты прекращения деятельности третейского суда. Приведенные обстоятельства вызывают у комиссии обоснованные сомнения относительно факта третейского разбирательства и вынесения решения третейским судом в 2017 году.

Факт подлинности данного арбитражного решения, равно как и факт самого третейского разбирательства заявительница Н. отрицает, хотя в самом решении третейского суда указано, что она присутствовала на заседании лично, и поддержала искимые требования. Обстоятельства данного третейского разбирательства, связанные с возможным

заключением между супругами договора купли-продажи недвижимости, и возможным уклонением одного из супругов от представления договора в органы Росреестра, также вызывают у Комиссии обоснованные сомнения в их действительности, принимая во внимание отсутствие разумных предпосылок на предъявление данного иска Н. к своему супругу в третейский суд.

Комиссия также обращает внимание на то обстоятельство, что согласно объяснениям адвоката М. к ней изначально за оказанием юридической помощи обратилась не ее доверительница Н., а ее коллега Б. В объяснениях адвокат М. указывает на то, что паспортные данные для доверенности от Н. попросила предоставить Б., которая также передала адвокату М. доверенность и все документы по делу. Между тем именно Б. указана в спорном решении третейского суда от 04.07.2017 г. в качестве арбитра, рассмотревшего спор между заявительницей Н. и ее умершим супругом С. Однако, арбитр должен быть независимым и беспристрастным в силу ст. 18 Федерального закона от 29.12.2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

Приведенные обстоятельства позволяют Комиссии сделать вывод об отсутствии в действиях адвоката М. разумной осмотрительности и добросовестности при защите прав и охраняемых законом интересов ее доверителя Н.

Комиссия критически относится к аргументу адвоката М. о том, что она на момент 12.04.2019 года – подачи в К-ский суд не знала о смерти супруга заявительницы С., умершего 16.02.2019 года, поскольку согласно пункту 1.1 соглашения об оказании юридической помощи от 11.04.2019 года предметом поручения, в том числе, выступало оказание юридической помощи у нотариуса Р., в производстве которой на тот момент находилось наследственное дело, открытое после смерти С.

Комиссия также отмечает, что из материалов дисциплинарного производства усматривается, что адвокат М. не получила от доверителя Н. никаких документов, необходимых для подачи заявления в К-ский суд, а также не ставила доверителя в известность о совершаемых ею действиях и выбранных способах оказания юридической помощи. Доказательств обратного адвокатом не представлено.

Совокупность изложенных выше обстоятельств позволяет Комиссии сделать вывод о том, что действия адвоката М. как при принятии поручения на защиту интересов Н., так и в ходе оказания юридической помощи содержат признаки недобросовестности и подрывают доверие к ней как адвокату, в частности, так и институту адвокатуры в целом.

Из материалов дисциплинарного производства также следует, что адвокатом М. была поставлена подпись за доверителя Н. под адресованным в К-ский суд заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Комиссия отмечает, что заявительница в жалобе ссылается на факт фальсификации (подложности) данной подписи и подтвердила это в заседании комиссии, а адвокатом М. в объяснениях данное обстоятельство не опровергнуто. Более того, исходя из объяснений адвоката, данных в заседании комиссии, все документы по делу ей передала не доверитель Н., а Б., и подавала документы в суд непосредственно сама адвокат М.

При этом доверенность, выданная заявительницей Н. доверенности на имя адвоката М. от позволял последнему подписать данное заявление в качестве представителя, но не ставить подпись Н. от имени самой заявительницы под ее фамилией. Таким образом, Комиссия может обоснованно предполагать, что адвокатом М. была фактически допущена фальсификация подписи доверителя в заявлении о выдаче исполнительного листа на

принудительное исполнение решения третейского суда, что дополнительно расценивается Комиссией как совершение адвокатом действий, направленных к подрыву доверия к адвокатуре и злоупотреблением доверием заявителя.

На основании изложенного, Комиссия пришла к выводу о наличии в действиях адвоката М. нарушения п. 1 п. 1 ст. 7, п.2 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п.2 ст.5, п.1 ст.8 КПЭА, а также ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем Н., выразившегося в том, что адвокат оказывала доверителю юридическую помощь, не предусмотренную предметом соглашения от 11.04.2019 г. об оказании юридической помощи; совершила действия, направленные на подрыв доверия к ней как к адвокату и к адвокатуре.

5. Защита по уголовному делу предполагает обязательное личное участие адвоката в процессуальных действиях. Даже временная замена адвоката в процессе способна причинить ущерб полноте и эффективности защиты. Иное отношение адвоката к принятому поручению свидетельствует о формальном исполнении им своих обязанностей и не может рассматриваться в качестве активного, разумного и добросовестного отстаивания прав своего доверителя. Вряд ли можно считать этически корректным поведение адвоката, получившего вознаграждение за защиту и на следующий день устранившегося от неё, с письменным «согласием», что таковая должна осуществляться другим адвокатом, в порядке ст. 51 УПК РФ, за счёт средств федерального бюджета.

В АПМО поступила жалоба доверителя С. в отношении адвоката А., в которой сообщается, что 18.11.2019 г. поручение на защиту заявителя, на основании соглашения принял адвокат Р. При этом, адвокат Р., без согласия своего доверителя, написал заявление о том, что он не возражает, чтобы следственные действия 19.11.2019 г. проводились с участием защитника по назначению, поскольку он занят в этот день. В качестве защитника по назначению выступил адвокат А.

Адвокатом Р. представлены письменные пояснения, в которых он, не оспаривая фактических обстоятельств, изложенных в жалобе, сообщает, что 18.11.2019 г. к нему обратилась С-ва., которая просила оказать юридическую помощь по защите по уголовному делу ее сына С., задержанного сотрудниками полиции по ч.3 ст. 30 ч. 5 ст. 228 УК РФ и находился в ИВС. Адвокат приехал в ИВС поздно вечером, позвонил следователю и она сообщила, что следственные действия назначены на 19.11.2019 г. и перенести их на более поздний срок нет никакой возможности. Адвокат предупредил С-ву. о том, что 19.11.2019 г. он занят в судебном заседании, С-ва. согласилась, чтобы адвокат не участвовал и после этого они подписали соглашение об оказании юридической помощи. 18.11.2019 г. адвокат встретился со С. и тот не возражал, чтобы 19.11.2019 г. его защиту осуществлял другой адвокат. Только после этого адвокат написал заявление о том, что он не против участия в следственных действиях 19.11.2019 г. защитника, приглашённого в порядке ст. 51 УПК РФ. Впоследствии адвокат обжаловал постановление суда об избрании меры пресечения, поддерживал доводы жалобы в суде апелляционной инстанции.

Рассмотрев доводы жалобы и письменных объяснений, изучив представленные документы, Комиссия сделала следующие выводы.

Адвокат не отрицает фактических обстоятельств, изложенных в жалобе доверителя. Поэтому Комиссия считает возможным перейти к их непосредственной оценке.

В силу п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 КПЭА, адвокат обязан честно, разумно, добросовестно и активно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами, а также честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности.

Данная обязанность адвоката корреспондирует с определёнными ограничениями, предусмотренными КПЭА, несоблюдение которых оказывает негативное влияние на доверие, оказываемое адвокату, без которого активная и добросовестная защита прав доверителя невозможна. В частности, КПЭА содержит запрет на принятие адвокатом поручения, если его исполнение будет препятствовать исполнению другого, ранее принятого поручения (п. 3 ст. 10 КПЭА), запрет на принятие поручений в количестве заведомо большем, чем он в состоянии выполнить (п.п. 5 п. 1 ст. 9 КПЭА), а также запрет на отказ от принятой на себя защиты (п. 2 ст. 13 КПЭА).

Довод адвоката о том, что он согласовал с доверителем невозможность своего участия в следственных действиях 19.11.2019 г. и заключил соглашение 18.11.2019 г. только потому, что об этом просила С-ва. находится в прямом противоречии с п. 1 ст. 4 КПЭА, предусматривающем, что никакие просьбы доверителя, направленные к нарушению закона и КПЭА, не могут быть исполнены адвокатом. Также Комиссия считает необходимым напомнить адвокату, что при невозможности по уважительным причинам прибыть для участия в следственном действии, он должен заблаговременно уведомить об этом следователя, ходатайствовать о назначении другого времени для его проведения (ст. 14 КПЭА).

Защита по уголовному делу предполагает личное участие адвоката в процессуальных действиях. Даже временная замена адвоката в процессе способна причинить ущерб полноте и эффективности защиты. Иное отношение адвоката к принятому поручению свидетельствует о формальном исполнении им своих обязанностей и не может рассматриваться в качестве активного, разумного и добросовестного отстаивания прав своего доверителя. Вряд ли можно считать этически корректным поведение адвоката, получившего вознаграждение за защиту и на следующий день устранившегося от неё, с письменным «согласием», что таковая должна осуществляться другим адвокатом, в порядке ст. 51 УПК РФ, за счёт средств федерального бюджета.

На основании изложенного, оценив представленные доказательства, Комиссия пришла к выводу о наличии в действиях адвоката нарушения п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8, п.п. 5 п. 1 ст. 9, п. 3 ст. 10, п. 2 ст. 13 КПЭА и ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем С., выразившегося в том, что заключив 18.11.2019 г. соглашение на защиту заявителя, отказался от участия в следственных действиях, назначенных на 19.11.2019 г. в связи с занятостью, направив при этом заявление о согласии на привлечение к защите 19.11.2019 г. адвоката, назначенного в порядке ст. 51 УПК РФ.

6. Участие адвоката в финансовых отношениях между доверителем и исполнителем поручения, само по себе не является нарушением. Однако, в такой ситуации заявитель вправе была рассчитывать, что наличие статуса адвоката выступает дополнительной гарантией прозрачности финансовых отношений, что, соответственно требует от адвоката дополнительной осмотрительности и чёткого следования требованиям ст. 16 КПЭА.

В АПМО поступила жалоба доверителя Г. в отношении адвоката П. в которой сообщается, что в феврале 2019 г. заявитель заключила с адвокатом соглашение на представление её интересов в суде по двум гражданским делам. Стороны договорились, что вознаграждение адвоката составит 40 000 рублей и по 20 000 рублей за выход в каждое судебное заседание. Заявитель выплатила адвокату 40 000 рублей, финансовых документов, подтверждающих выплату вознаграждения, адвокат не представила. Впоследствии заявитель выплатила ещё 70 600 рублей на банковскую карту адвоката, а также перевела по её требованию 20 000 рублей на банковскую карту её помощника Т.

В ноябре 2019 г. заявитель узнала, что адвокат не исполняла принятые на себя обязательства. В материалах дела отсутствует ордер адвоката, в протоколах судебных заседаниях она не указана, все документы, представляемые в суд, подписывал её помощник Т. Заявитель обратилась с требованием о возврате денежных средств, на что заявитель ответила отказом, сказав, что все обязательства выполнены.

К жалобе заявителем приложены копии судебных актов, принятых по спору заявителя, чеки переводов «Сбербанк-онлайн» на банковскую карту адвоката, смс-переписки адвоката и заявителя.

Адвокатом представлены письменные объяснения, в которых она сообщает, что в конце февраля 2019 г. к ней обратилась с заявитель по вопросу квартирного спора с Г. Адвокат объяснила, что не может представлять интересы заявителя, поскольку Г является её коллегой и порекомендовала обратиться к другому адвокату - Т., с чем заявитель согласилась. Т. через адвоката озвучил сумму вознаграждения, с чем заявитель также была согласна, денежные средства были переданы Т. Он участвовал в судебных заседаниях, впоследствии составил мотивированную апелляционную жалобу на решение суда. Соглашение заключалось между адвокатом и Т., всю информацию по делу заявителю передавал Т.

К письменным объяснениям адвоката приложены копии расписок Т. в получении от адвоката денежных средств на общую сумму 60 000 рублей.

В заседании Комиссии адвокат поддержала доводы, изложенные в письменных объяснениях, дополнительно пояснив, что она не заключала соглашения с заявителем и не принимала поручение по её представительству в суде первой инстанции, но поскольку к ней обратилась её знакомая, порекомендовала заключить соглашение с Т. Заявитель знала, что её интересы в суде представляет Т., он отправлял ей решение суда. Вознаграждение действительно выплачивалось Т. через банковскую карту адвоката, потому что об этом попросила заявитель, ей было так удобно.

Рассмотрев доводы жалобы и письменных объяснений, заслушав адвоката и изучив представленные документы, Комиссия сделала следующие выводы.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства нашёл своё подтверждение довод жалобы о том, что адвокат представляла интересы заявителя в суде апелляционной инстанции.

В то же время, в распоряжении Комиссии отсутствуют доказательства того, что адвокат приняла поручение на представление интересов заявителя в суде первой инстанции, а также доказательства того, что Т. являлся помощником адвоката, которому П. передоверила исполнение поручения. Наличие или отсутствие статуса адвоката у Т. также не находит своего подтверждения. При этом, заявитель определённо знала, что Т. представляет её

интересы в суде первой инстанции и не возражала против этого. В частности, в одном из смс-сообщений адвокат пишет заявителю: «Доброе утро, вам сегодня будет звонить мой коллега – Александр, который будет по Стасу дело вести, тогда о встрече договоритесь, чтобы он остатки документов забрал».

Однако, заявитель обратилась за юридической помощью именно к адвокату П. Взаимоотношения между адвокатом и заявителем не закончились тем, что, узнав о том, что противоположной стороной по делу является её коллега, П. порекомендовала обратиться к другому адвокату. 12.11.2019 г. заявителем было сделано распоряжение об отмене доверенности, выданной П. и Т. Также заявитель неоднократно перечисляла денежные средства на банковскую карту адвоката, которые впоследствии были переданы Т., что подтверждается копиями расписок последнего. Кроме того, в смс-сообщении заявителю Т. сообщает: «Также сегодня поступила информация из суда о том, что рассмотрение апелляционной жалобы состоится 29.07.2019 г. 17 часов 40 минут. Обсудил с Евгенией, за выход возьмём минимум – 20 000 рублей».

Таким образом, ситуация по рассмотрению гражданского дела заявителя была известна адвокату. Комиссия считает, что, обращаясь к адвокату, решая с её помощью финансовые вопросы с исполнителем поручения, заявитель вправе была рассчитывать, что наличие у П. статуса адвоката выступает дополнительной гарантией прозрачности для заявителя отношений с поверенным. В свою очередь, касательно довода адвоката о том, что она использовала личный банковский счёт для расчётов между заявителем и Т. по просьбе заявителя, что закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных КПЭА, не могут быть исполнены адвокатом (п. 1 ст. 10 КПЭА).

Комиссия считает, что при рассматриваемых обстоятельствах, адвокатом были совершены действия, направленные к подрыву доверия, запрет на совершение которых предусмотрен п. 2 ст. 5 КПЭА.

Обращает внимание, что в смс-переписке адвокат сообщает заявителю о двух гражданских делах, в которых её интересы представлял «представитель по доверенности». Однако, данное обстоятельство Комиссией не оценивается, поскольку в жалобе довод об этом отсутствует.

На основании изложенного, оценив представленные доказательства, Комиссия пришла к выводу о наличии в действиях адвоката нарушения п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 10 КПЭА и ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем, выразившегося в получении от доверителя на личный банковский счёт денежных средств для расчёта с лицом, представлявшим интересы доверителя в суде первой инстанции по гражданскому делу, без предоставления соответствующей финансовой документации.

8. Учитывая особенности личности заявителя (преклонный возраст, инвалидность, обращение за юридической помощью с социальным работником), документальное подтверждение подачи ответчиком заявления о снятии с регистрационного учета, адвокат, действуя разумно и добросовестно должен был получить подтверждения действительной необходимости судебного оспаривания и несения доверителем связанных с этим расходов. В отсутствие таких действий требование адвоката об оплате его помощи, в той части, которая по факту не являлась необходимой, не может быть признано добросовестным исполнением профессиональных обязанностей.

В АПМО поступила жалоба доверителя Д. 26.09.1930 г.р., в отношении адвоката Г. Как указывает заявитель в жалобе, на основании договора ренты с пожизненным иждивением в квартире заявителя как собственник была зарегистрирована гр. М. После расторжения договора ренты М., выехала из квартиры и предоставила заявителю в электронном виде копию расписки из МФЦ о приеме документов на регистрацию по месту жительства, а также фото страницы паспорта о снятии с регистрационного учета. Затем заявитель получила выписку из домовой книги, из которой следовало, что М. зарегистрирована в квартире. Заявитель направила обращения в различные Управления миграционной службы МВД. После этого заявитель обратилась к адвокату Г., который пояснил, что решить сложившуюся ситуацию можно лишь в судебном порядке. Между заявителем и адвокатом было заключено соглашение на оказание юридической помощи по ведению гражданского дела в суде. Однако, впоследствии заявитель получила ответ из миграционного подразделения о снятии М. После этого заявитель обратилась к адвокату с целью расторжения договора на оказание юридической помощи, прекращении производства по гражданскому делу, возврате документов. Адвокатом был предоставлен заявителю на подпись акт, который как она выяснила дома в спокойной обстановке являлся актом выполненных работ. Указала, что на момент обращения основания для судебного спора отсутствовали, исковое заявление содержит серьезные недостатки в части правового обоснования, предположила, что иск в суд адвокатом не был подан, также к иску вместо копий прилагались подлинники документов, которые не были возвращены как и оригинал доверенности, в которой не было указания на ведение конкретного дела, не были возвращены денежные средства, не разъяснено право на оказание бесплатной юридической помощи, адвокат обязал заявителя вместо возврата гонорара подписать акт об отсутствии претензий.

Адвокат Г. по жалобе предоставил объяснения, в которых не согласился с доводами заявителя. Указал, что на прием заявитель обратилась вместе с социальным работником. Адвокат предложил представить обновленную выписку из домовой книги. Д. передала адвокату доверенность, выписку из домовой книги, ознакомилась и подписала исковое заявление, которое в тот же день было сдано адвокатом в К-ский суд. Иск был принят судом к производству, назначено судебное заседание на 27.02.2020 г. Однако 12.02.2020 г. Д. уведомила адвоката о получении ответа из УФМС о подтверждении факта снятия с регистрационного учета по месту жительства М. 13.02.2020 г. заявитель передала адвокату заявление о расторжении договора с чем он согласился, объяснил порядок расторжения соглашения и оформления отказа от иска. Был подписан акт выполненных работ. Подлинник доверенности был необходим адвокату для получения определения о прекращении производства по делу. О возврате денежных средств Д. не заявила и в своем заявлении этого не указывала. Адвокат указал, что свою работу выполнил в полном объеме.

Рассмотрев доводы жалобы и письменных объяснений, заслушав адвоката, изучив представленные документы, Комиссия указала, что согласно объяснениям адвоката, доверитель предоставил ему выписку из домовой книги, копия соглашения о расторжении договора ренты и выписка из реестра о принадлежности квартиры. Между тем, как следует из текста искового заявления, адвокату было известно о том, что М. предоставила заявителю копию расписки о принятии в филиале АУ «МФЦ» заявления о снятии с регистрационного учета (л.1. искового заявления), что подтверждает довод заявителя о том, что она уведомила адвоката об этом существенном обстоятельстве, которое могло свидетельствовать об отсутствии спора о праве, а вследствие этого об отсутствии необходимости обращаться в суд с иском о защите нарушенных прав заявителя.

Учитывая особенности личности заявителя (преклонный возраст, инвалидность, обращение за юридической помощью с социальным работником), документальное подтверждение

подачи ответчиком заявления о снятии с регистрационного учета, адвокат до выяснения всех существенных обстоятельств поручения и оценки действительной необходимости судебного оспаривания не должен был без чётко выраженного и информированного согласия доверителя предпринимать действия, влекущие для доверителя необоснованные расходы.

Данный вывод подтверждается тем, что заявитель получила ответ из миграционного подразделения о снятии М. с регистрационного учета 07.11.2019 г. Ответ получен в ответ на направленное Д. заявление, что подтверждает выводы Комиссии о том, что до обращения в суд адвокат, действуя добросовестно и квалифицированно, был обязан запросить информацию из государственных органов. И уже после получения информации решить вопрос о необходимости и целесообразности обращаться в суд.

Как указывает адвокат, 13.02.2020 г. заявитель передала ему заявление о расторжении договора, на что адвокат согласился, объяснил ей порядок расторжения договора и оформление отказа от иска.

Вместо определения неотработанного вознаграждения, адвокат принял меры к оформлению акта выполненных работ, не указав, какая часть неотработанного гонорара подлежит возвращению. Комиссия обращает внимание адвоката, что ссылка в акте, что «отказ от иска является желанием Д.» никак не влияет на обязанность по возврату неотработанного вознаграждения. Кроме того, как усматривается из представленных документов, заявителем самостоятельно были получены официальные ответы о снятии ответчика с регистрационного учета, что исключало необходимость разрешения спора судом и полностью подтверждало отсутствие спора о праве уже на момент подготовки и подачи в суд иска. Поэтому именно Д. действовала разумно и добросовестно, и обоснованно рассчитывала на возврат неотработанного адвокатом вознаграждения.

Оформленный акт выполненных работ не может обосновывать отказ в возврате неотработанного вознаграждения, поскольку предметом соглашения кроме устных консультаций и подготовки искового заявления, являлось ведение гражданского дела в К-ском суде.

Комиссия обратила внимание, что исковое заявление основано на положениях ст. 83 ЖК РФ и п. 32 раздела «Социальный наем жилого помещения» Постановления Пленума ВС РФ № 14 от 02.07.2009 г., а также утверждении о расторжении ответчиком договора социального найма в связи с выездом для постоянного проживания по другому месту жительства. Между тем, и заявитель обоснованно обращает внимание в жалобе на тот факт, что спорное правоотношение не затрагивало нормы социального найма жилого помещения.

Таким образом, при исполнении поручения заявителя адвокатом была допущена грубая и очевидная ошибка, поскольку исковое заявление содержало нормы права, не подлежащие применению к спорным правоотношениям.

Комиссия находит подтверждённым надлежащими доказательствами довод заявителя о том, что адвокат при оформлении акта выполненных работ по соглашению не возвратил доверителю подлинник доверенности на представительство интересов, что является нарушением п.6 ст. 10 КПЭА. Как пояснил адвокат, при подписании акта о выполнении работ, он попросил доверителя оставить доверенность для получения подлинных документов из материалов дела и определения о прекращении производства по делу. Поскольку определение вступило в силу после прекращения работы судов, в связи с введёнными карантинными мерами, получить документы адвокат не смог и направил

доверителю подлинник доверенности после возбуждения дисциплинарного производства. Независимо от мотивов, которым руководствовался адвокат, он был обязан в силу приведенного нормативного предписания при подписании акта о выполнении работ возвратить доверителю подлинник доверенности, либо обсудить с доверителем иной момент завершения действия соглашения об оказании юридической помощи.

Комиссия не принимает довод заявителя о том, что исковое заявление не было подано адвокатом в суд, поскольку этот довод опровергнут представленными адвокатом документами, в том числе копией искового заявления, карточкой дела в системе ГАС «Правосудие», копией определения К-ского суда о прекращении производства по делу в связи с отказом от иска.

На основании изложенного, оценив представленные доказательства, Комиссия пришла к выводу о наличии в действиях адвоката нарушения п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 10 КПЭА и п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», а также ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем, выразившегося в том, что адвокат принял поручение на ведение гражданского дела доверителя, не убедившись в достаточной степени о наличии спора, подлежащего рассмотрению в суде; допустил грубую и очевидную ошибку, сославшись в исковом заявлении на нормы права, не подлежащие применению к спорному правоотношению; при получении требования доверителя о расторжении соглашения не принял меры к определению размера неотработанного вознаграждения и его возврате доверителю; при прекращении соглашения не вернул доверителю подлинник доверенности на представление интересов доверителя в суде.

9. Заключение адвокатом соглашения, содержащего только указание на его фамилию, имя, отчество, без указания на наличие статуса адвоката, принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате, в совокупности с отсутствием сведений о поступлении вознаграждения в кассу (на расчётный счёт) адвокатского образования, позволяет сделать вывод об оказании юридической помощи вне рамок адвокатской деятельности.

В АПМО поступила жалоба доверителя И. в отношении адвоката Г., в которой сообщается, что адвокат должна была осуществлять защиту супруга заявителя И. по уголовному делу на основании соглашения. Адвокат не выдала доверителю финансовые документы, подтверждающие выплату вознаграждения, заверила ее в положительном результате исполнения поручения, не посещала подзащитного в СИЗО, не предъявила следователю ордер на защиту.

Адвокат в письменных объяснениях возражала против доводов жалобы и пояснила, что заявителя жалобы ей представил коллега Ч. Однако к оказанию юридической помощи она не приступила, т.к. доверитель не оплатила согласованную сумму вознаграждения. Больше она с доверителем не общалась.

Рассмотрев доводы обращения и письменных объяснений адвоката, изучив представленные документы, комиссия пришла к следующим выводам.

Между заявителем жалобы И., с одной стороны, и гражданами Г. (без указания ее статуса как адвоката), Ч., Е. был заключен 04.09.2017 г. договор об оказании консультационных и юридических услуг. Предметом соглашения, согласно п. 1 договора, является оказание указанных выше услуг в связи с расследованием уголовного дела в отношении супруга заявителя И., «страдающего заболеванием, исключаяющим его пребывание в условиях следственного изолятора...». Несмотря на размытость формулировок, определяющих

предмет договора, Комиссия из толкования содержания договора делает вывод, что предметом договора по сути является защита И. по уголовному делу.

Комиссией также установлено и адвокатом не оспаривается в письменных пояснениях, что на момент заключения данного договора она являлась адвокатом. Существенным условием соглашения об оказании юридической помощи, заключаемым адвокатом, является указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате (пп. 1 п. 4 ст. 25 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Комиссия обращает внимание, что в преамбуле договора и заключительной части указаны только ФИО Г. и ее адрес проживания, иных данных договор не содержит.

Законодательство об адвокатской деятельности содержит прямой запрет на осуществление адвокатом юридической помощи (оказание юридических услуг) вне рамок адвокатской деятельности (п. 3 ст. 9 КПА). По настоящему дисциплинарному производству комиссия считает установленным факт, что адвокат Г. заключила с заявителем И. договор об оказании консультационных и юридических услуг, не указывая свой статус адвоката, а также принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате. Данные действия адвоката Г. квалифицируются комиссией как намеренное оказание адвокатом юридической помощи вне рамок адвокатской деятельности и являются самостоятельным дисциплинарным нарушением адвоката.

В отношении иных доводов жалобы комиссия отмечает, что они не подтверждаются заявителем надлежащими, достоверными и допустимыми доказательствами, и поэтому подлежат отклонению комиссией.

На основании изложенного, оценив собранные доказательства, Комиссией сделан вывод о наличии в действиях адвоката Г. нарушений п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8, п. 3 ст. 9 КПА, а также ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем И., выразившегося в оказании адвокатом юридической помощи вне рамок адвокатской деятельности.

10. Учитывая доверительный характер взаимоотношений адвоката и лица, обращающегося за получением его помощи, общеправовой принцип добросовестности, будучи закреплен в п.п.1 п. 1 ст.7 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», имеет особое, системообразующее значение в деятельности адвоката. Действия адвоката, дающие доверителю основания разумно полагаться на то, что адвокатом будет оказана необходимая правовая помощь, создают устойчивую правовую связь между адвокатом и доверителем даже при отсутствии требуемой формализации отношений в виде заключения письменного соглашения об оказании правовой помощи.

В АПМО поступила жалоба доверителя В. в отношении адвоката Л., в которой заявитель сообщает, что ей потребовалась помощь в составлении жалобы на неправомерные действия сотрудника ГИБДД, 25.12.2019 г. заявителю поступило сообщение от адвоката, в котором она просила связаться с ней. В. позвонила адвокату, сообщила ей все обстоятельства произошедшего, направила копию протокола. Адвокат сказала, что при условии заключения с ней соглашения, она готова полностью вести дело заявителя (консультирование, выезд на место происшествия, выезд в группу разбора ГИБДД). Заявитель самостоятельно съездила в ГИБДД, сделала фотокопии материалов, которые

были переданы адвокату. 28.12.2019 г. адвокат и заявитель заключили соглашение, адвокат заверила, что уже выстроила линию защиты, после новогодних праздников необходимо выехать на место происшествия, и у неё уже есть «свой» свидетель. Адвокату было выплачено вознаграждение 60 000 рублей. Заявитель обратила внимание, что в соглашении указан другой адвокат – М., на что адвокат ответила, что М. является её руководителем и мужем, имеет большой опыт работы по данной категории дел. За день до оговорённого сторонами выезда для составления схемы происшествия, адвокат позвонила заявителю, сказала, что переговорила с судьёй и надо делать запрос в ГИБДД. Адвокат не составила жалобу, не представляла никаких документов, после судебного заседания 29.01.2020 г. сообщила, что судья настроена негативно, надо «готовить деньги на водителя». Присланные адвокатом копии материалов дела не содержат никаких документов, поступивших от адвоката. Заявитель потребовала представить документы и стратегию защиты, на что адвокат сказала, что также представит акт выполненных работ. Адвокат не отвечала на телефонные звонки, поэтому заявитель самостоятельно поехала в суд и установила, что никаких документов от адвоката не поступало.

06.02.2020 г. адвокат прислала заявителю документ, озаглавленный как «правовая позиция по делу». Изучив его, В. обнаружила, что адвокат искажает обстоятельства произошедшего, ссылаясь на несуществующие постановления Верховного Суда РФ и определение Конституционного Суда РФ, которое не может быть использовано для защиты. 07.02.2020 г. от адвоката поступило сообщение, что она не приедет на встречу, в суд поедет М. и подаст все документы.

В заседании Комиссии заявитель поддержала доводы жалобы, дополнительно пояснив, что адвокат уверяла, что у неё очень большой опыт ведения данной категории дел, уверяла, что готовит документы. Когда заявитель передавала адвокату деньги, то получила квитанцию и соглашение, в котором в качестве адвоката был указан М. В деле есть расписка адвоката Л. о том, что она ознакомилась с материалами дела. Представляла ли адвокат её интересы в суде заявителю неизвестно, поскольку она заключала соглашение в расчёте, что ей самой не придётся участвовать в судебных заседаниях. Адвокаты ничего не делали, поэтому заявитель была вынуждена ехать в суд одна.

Адвокатом представлены письменные объяснения, в которых она сообщает, что соглашение, о котором сообщает заявитель в своей жалобе было заключено с адвокатом М., с ней заявитель соглашения не заключала. Заявитель не является её доверителем, только один раз, когда её супруг М. заболел, адвокат сходила «на подготовительный процесс» к мировому судье для того, чтобы предоставить адвокатские запросы, просить отложить дело и узнать дату судебного заседания. Именно поэтому заявитель выдала адвокату, и ещё троем представителям доверенность. Далее адвокат подробно описывает, какие действия совершил адвокат М. по исполнению поручения заявителя.

Рассмотрев доводы жалобы и письменных объяснений, заслушав заявителя и представителя адвоката, изучив представленные документы, Комиссия отметила ошибочность мнения адвоката о том, что заявитель не является её доверителем. В силу ст. 6.1 КПА, под доверителем понимается лицо, которому оказывается юридическая помощь, а при решении вопроса, связанного с сохранением адвокатской тайны, под доверителем понимается любое лицо, доверившее адвокату сведения личного характера в целях оказания юридической помощи.

Комиссии представлено достаточно доказательств того, что именно адвокат Л. оказывала заявителю юридическую помощь. В частности, в переписке с заявителем адвокат сообщает: «Добрый день!... Я готова вести ваше дело. Я адвокат Л....» и далее: «Добрый день! Удалось

в пятницу пообщаться с нашим судьёй она сказала что в нашем случае надо делать судебный Запрос.... Поэтому я готовлю к суду судебный запрос...» (здесь и далее орфография автора сохранена – прим. Комиссии). Более того, адвокат в своих письменных объяснениях и представитель адвоката в заседании Комиссии не отрицали, что адвокат участвовала в подготовительном судебном заседании. Также Комиссии представлен адвокатский запрос, выполненный от имени адвокатов Л. и М.

Комиссия указала на недостаточное понимание адвокатом и её представителем существа адвокатской деятельности, каковой является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката, физическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию (п. 1 ст. 1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Также Комиссия сочла необходимым критически подходить к доводу адвоката о том, что она просто «подменяла больного мужа». Помимо вышеуказанной переписки, из которой явственно следует, что адвокат приняла поручения заявителя, адвокат также сообщает: «В понедельник рано еду в суд, мне туда доверенность надо. После полного ознакомления и ситуацией (мы не знаем что там неожиданно может появиться) составляемые ход во о разметке и на суде подаём возражение, и 2 ходатайства, одно по разметке, и одно о вызове двух свидетелей, один ваш, один наш» и далее «... завтра буду обжаловать это определение, но вначале ознакомлюсь с материалами дела».

Учитывая фидуциарный, то есть основанный на доверии, характер взаимоотношений адвоката и лица, обращающегося за получением его помощи, общеправовой принцип добросовестности, будучи закреплен в п.п.1 п. 1 ст.7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», имеет особое, системообразующее значение в деятельности адвоката. Как указывается в Постановлении Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

Поэтому действия адвоката, дающие доверителю основания разумно полагаться на то, что адвокатом будет оказана необходимая правовая помощь, создают устойчивую правовую связь между адвокатом и доверителем даже при отсутствии требуемой формализации отношений в виде заключения соглашения об оказании правовой помощи (п. 1 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»).

Комиссия считает, что в рассматриваемой ситуации действия адвоката не соотносятся с обязанностью при любых обстоятельствах сохранять честь и достоинство, присущее его профессии и избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре (п.1 ст. 4, п. 2 ст. 5 КПЭА). Кроме того, адвокатом нарушен п. 2 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», поскольку юридическая помощь оказывалась заявителю без заключения письменного соглашения.

Представленная Комиссии переписка (включая сообщения заявителя, направляемые представителю адвоката по настоящему дисциплинарному производству) подтверждает, что адвокат уклонялась от общения с заявителем и не предоставила ей акт выполненных работ (п. 6 ст. 10 КПЭА).

На основании изложенного, оценив представленные доказательства, Комиссия пришла к выводу о наличии в действиях адвоката нарушения п.п. 1 п. 1 ст. 7, п. 2 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 10 КПЭА и

ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем В., выразившегося том, что адвокат нарушила порядок оформления оказания юридической помощи, а именно оказывала юридическую помощь в виде защиты по делу об административном правонарушении у мирового судьи, консультирования, составления адвокатского запроса в интересах В. без заключения письменного соглашения; не предоставила В. отчёт о проделанной работе; ввела В. в заблуждение относительно того, что она приняла поручение на оказание ей юридической помощи в виде защиты по делу об административном правонарушении во всех судебных заседаниях.

12. Заявитель, не обладающая юридическими познаниями, не могла предполагать, что такой документ как краткая апелляционная жалоба не предусмотрен гражданским процессуальным законодательством, но достаточно часто востребован в практическом отношении и рассматривается в качестве обычной апелляционной жалобы. В свою очередь, действуя разумно и добросовестно, адвокат должен был оформить письменное соглашение на составление и подачу полной апелляционной жалобы, а также получить письменное распоряжение заявителя об отзыве апелляционной жалобы. Отзыв адвокатом ранее поданной апелляционной жалобы без согласия с представляемым лицом является действием адвоката вопреки интересам доверителя.

В АПМО поступила жалоба доверителя Д. в отношении адвоката К., в которой сообщается, что 13.03.2019 г. заявитель заключила с адвокатом соглашение и выплатила ему 80 000 рублей. В процессе суда адвокат вёл себя пассивно, не представил ни одного доказательства, вероятно вступил в сговор с ответчиком и получил от него денежные средства. Решение было постановлено 26.08.2019 г. но заявитель его так и не получила. В декабре 2019 г. адвокат вымогал у заявителя 300 000 рублей, для возврата её квартиры ей в собственность, заявитель ответила отказом, адвокат «пропал», а 25.02.2020 г. отозвал апелляционную жалобу.

Адвокатом представлены письменные объяснения, в которых он не согласился с доводами жалобы, пояснив, что 18.03.2019 г. он заключил с заявителем соглашение об оказании юридической помощи по оспариванию сделки купли-продажи квартиры. В рамках исполнения поручения адвокат консультировал заявителя, получил выписки из ЕГРН и домовой книги, составил исковое заявление и ходатайство о принятии обеспечительных мер, уточнённое исковое заявление с приложением судебной практики, представлял интересы заявителя в 6 судебных заседаниях. Решение суда по заявленным требованиям было передано заявителю, подал краткую апелляционную жалобу. Заявитель присутствовала во всех судебных заседаниях. Кроме того, в рамках исполнения поручения адвокат составил и подал жалобу в прокуратуру, получил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и обжаловал его прокуратуру К-ского суда.

После вынесения судом решения ему позвонил адвокат противоположной стороны и сообщил о готовности его доверителя вернуть спорную квартиру за 300 000 рублей. Поскольку заявитель согласилась на это условие, 21.01.2020 г. адвокатом было подано заявление об отзыве краткой жалобы и заявление об отмене обеспечения иска. 25.02.2020 г. адвокат получил распоряжение об отмене доверенности и воспринял его как положительный результат исполнения поручения, поскольку у внучки заявителя, её зятя и их адвоката были все возможности для аннулирования сделки купли-продажи квартиры во внесудебном порядке. Адвокат сообщает, что исполнял поручение заявителя почти год, информировал её обо всех своих действиях, в сговор с противоположной стороной не вступал.

Рассмотрев доводы жалобы и письменных объяснений, изучив представленные документы, Комиссия приходит к следующим выводам.

18.03.2019 г. между сторонами рассматриваемого дисциплинарного производства было заключено соглашение на представление интересов заявителя в суде и в правоохранительных органах по вопросу признания недействительной сделки купли-продажи квартиры.

Направленные адвокатом в Комиссию документы подтверждают, что им осуществлялось представительство заявителя в К-ском суде и в правоохранительных органах. 26.08.2019 г. суд отказал в удовлетворении исковых требований заявителя к С. о признании договора купли-продажи квартиры недействительным. Поручение, предусмотренное соглашением об оказании юридической помощи от 26.08.2019 г. было выполнено адвокатом в полном объёме.

Однако, впоследствии адвокатом была подана краткая апелляционная жалоба на вышеуказанное решение К-ского суда. 21.01.2020 г. адвокатом подано заявление об отзыве апелляционной жалобы. Заявитель в жалобе отрицает, что отзыв апелляционной жалобы был с ней согласован.

Таким образом, складывается ситуация, когда заявитель имела основания полагать, что адвокат обжаловал решение суда первой инстанции. Законодательство об адвокатской деятельности не предусматривает обязательной подачи адвокатом жалобы на решение суда по гражданскому делу. Очевидно, что здесь адвокат действовал без надлежащего оформления прав и обязательств, как того требует статья 25 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Заявитель, не обладающая юридическими познаниями, не могла предполагать, что такой документ как краткая апелляционная жалоба не предусмотрен гражданским процессуальным законодательством, но достаточно часто востребован в практическом отношении дабы избежать пропуска срока на апелляционное обжалование решения суда и рассматривается в качестве обычной апелляционной жалобы со всеми следующими процессуальными последствиями. В свою очередь, действуя разумно и добросовестно, адвокат должен был оформить письменное соглашения на составление и подачу полной апелляционной жалобы, а также получить письменное распоряжение заявителя об отзыве апелляционной жалобы, а при отказе заявителя как от заключения соглашения, так и от отзыва жалобы, письменно информировать о невозможности дальнейшего оказания юридической помощи в виду отсутствия соответствующего соглашения.

Также Комиссия считает, что заявление об отмене обеспечения иска, поданное адвокатом, в условиях отсутствия мирового соглашения и наличия решения суда, которым в удовлетворении исковых требований Д. было отказано, не соответствует интересам заявителя. Однако, довод жалобы об этом отсутствует.

На основании изложенного, оценив представленные доказательства, Комиссия пришла к выводу о наличии в действиях адвоката нарушения п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 КПА и ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем Д., выразившегося в том, что адвокат, обжаловал в интересах Д. решение суда первой инстанции, а затем, без письменного согласования с Д. направил в К-ский суд заявление об отзыве краткой апелляционной жалобы.

13. Представление адвокатом доверителю квитанции к приходному-кассовому ордеру, по которому вознаграждение в кассу (на расчётный счёт) адвокатского

образования не поступало, является грубым нарушением финансовой дисциплины и указывает на безнравственный характер действий адвоката.

В АПМО поступила жалоба доверителя М. в отношении адвоката П., в которой сообщается, что 22.02.2019 г. сын заявителя был задержан и у них проводился обыск. Вместе с оперативниками приехал адвокат, который представил ордер на защиту в порядке ст. 51 УПК РФ. Впоследствии адвокат сказал сыну, что не готов помогать бесплатно, на что сын сообщил, что у заявительницы есть 2 000 000 рублей. Адвокат пообещал за эти деньги минимальный срок, но для этого было необходимо заключить с ним соглашение и признать вину. Сын признал вину, указал на подельников. М. заключила с адвокатом соглашение, передала 2 000 000 рублей, о чём адвокатом выдана квитанция. Адвокат не встречался с сыном в СИЗО, не сообщал М. о ходе исполнения поручения, отказался предоставить отчёт о проделанной работе. В июне 2019 г. М. приняла решение о расторжении соглашения с адвокатом, но адвокат перестал отвечать на телефонные звонки.

По запросу Комиссии получен график дежурства адвокатов М-ского судебного района на январь и февраль 2019 г., согласно которого 22.02.2019 г. КАМО «М», в которой на тот момент адвокат П. осуществлял адвокатскую деятельность, не была дежурным адвокатским образованием) Также получена справка председателя КАМО «М» о том, что соглашение об оказании юридической помощи заявителю адвокатом П. в делах адвокатского образования не зарегистрировано, денежные средства по данному соглашению в кассу (на расчётный счёт) не поступали, 29.03.2019 г. адвокат П. исключён из членов коллегии.

Рассмотрев доводы жалобы, заслушав заявителя и изучив представленные документы, Комиссия приходит к следующим выводам.

22.02.2019 г. адвокат принял поручение на защиту сына заявителя в порядке ст. 51 УПК РФ. При этом, КАМО «М», членом которой был адвокат П. на момент рассматриваемых событий не было дежурным адвокатским образованием, поручение на защиту сына заявителя адвокату не распределялось.

Принятие поручения на защиту сына заявителя в порядке ст. 51 УПК РФ, с нарушением порядка распределения таких поручений, установленного Советом АПМО (на 22.02.2019 г. в М-ском судебном районе действовал Порядок, утв. решением Совета АП МО от 11.12.2002 г. № 4) подрывает доверие к адвокату, содействие адвоката сотрудникам следственных органов в обходе установленного порядка распределения требований о назначении защитника указывает на безнравственный характер его действий.

25.02.2019 г. заявитель и адвокат заключили соглашение на защиту М-ва. Ранее Комиссия неоднократно отмечала, что ставить вопрос о надлежащем качестве юридической помощи может только доверитель, которому она оказывается. По соглашению от 25.02.2019 г. заявителю юридическая помощь не оказывалась. М-в. с жалобой на действия адвоката П. не обращался. Однако, доверитель, заключивший соглашение, вправе обращаться с жалобой о ненадлежащем оформлении адвокатом договорных отношений.

Закон (п.6 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ») устанавливает строгие требования к оформлению денежных средств, полученных адвокатом от доверителя. Адвокат выдал заявителю квитанцию к приходному кассовому ордеру, что подтверждает выплату ему М. вознаграждения в размере 2 000 000 рублей. Однако, как сообщается в справке, подписанной председателем КАМО «М», указанные денежные средства не были внесены адвокатом в кассу (на расчётный счёт) адвокатского образования.

Таким образом, адвокатом допущено грубое нарушение финансовой дисциплины, дополнительно указывающее на безнравственный характер его действий.

Кроме того, в заседании Комиссии установлено, что заявитель досрочно расторгла соглашение с адвокатом. Поручение не было выполнено адвокатом в полном объёме. В такой ситуации адвокат П. был обязан, действуя разумно и добросовестно, после отказа доверителя от его услуг, принять меры по согласованию с М. суммы отработанного адвокатом аванса и суммы, подлежащей возврату доверителю, либо объяснить доверителю по какой причине он не имеет правовой возможности разрешить названные вопросы.

На основании изложенного, оценив представленные доказательства, Комиссия пришла к выводу о наличии в действиях адвоката нарушения п.п. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, п.п. 1 п. 1 ст. 9 КПЭА и ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем М., выразившегося в том, что принял поручение на защиту М-ва в порядке ст. 51 УПК РФ непосредственно от сотрудников следственного органа, вне установленного графика дежурств, нарушив Порядок утв. решением Совета АП МО от 11.12.2002 г. № 4; заключив с заявителем соглашение на защиту М-ва., не внёс полученное вознаграждение в кассу (на расчётный счёт) адвокатского образования, предоставив М фиктивную квитанцию к приходному кассовому ордеру; после досрочного расторжения М. соглашения на защиту М-ва не исчислил размер неотработанного вознаграждения и не предпринял мер по его возврату.

Ответственный секретарь

Квалификационной комиссии АПМО

Никифоров А.В.